

Ян РЕМУНГ

РАРИТЕТ
КРОНА
ГИЛЬДЕБРАНЛА

ДЖЕЙМС БОНД

ЯН ФЛЕМИНГ

РАРИТЕТ ГИЛЬДЕБРАНДА

**СП «Вся Москва»
1990**

ББК 84.7
Фл 69

Перевод Петухова С. А.

Ян Флеминг
Фл 69 Раритет Гидьдебранда. М.: СП „Вся Москва”, 1990, с.

Рассказ английского писателя Яна Флеминга (1908–1964) впервые был опубликован в журнале „Плейбой” в 1959 году, а затем вошел в сборник рассказов о приключениях агента 007 британской секретной службы Джеймса Бонда „Только для личного ознакомления” (1960). С тех пор „Раритет Гидьдебранда” неоднократно переиздавался миллионными тиражами на многих европейских языках. На русском языке публикуется впервые.

ББК 84.7

ISBN 5-7110-0049-7

© СП „Вся Москва”, 1990 г.

О ПИСАТЕЛЕ

Ян (Йен) Ланкастер Флеминг родился 28 мая 1908 года в семье офицера британской армии, члена парламента. По окончании Итона, самого привелегированного колледжа в Англии, и недолгой учебы в Сандхерстской военной академии Флеминг уехал на континент, где в университетах Женевы и Мюнхена готовился к карьере чиновника Министерства иностранных дел Великобритании. Но в МИД его не взяли, и Флеминг стал репортером агентства Рейтер.

С 1929 года он был аккредитован в Москве, где освещал процесс 1933 года по делу шести английских инженеров, обвиненных ОГПУ в шпионаже. Это был один из путей сталинской индустриализации – создать совместные предприятия, затем обвинить зарубежных партнеров в шпионаже и прибрать все к рукам.

Репортажи Флеминга из Москвы создали ему авторитет публициста и сулили блестящую журналистскую карьеру, но он предпочел маклерскую контору в Сити, деловом центре Лондона.

С началом второй мировой войны лейтенант Ян Флеминг – личный помощник начальника морской разведки британского Адмиралтейства, а в 1945 году командор (капитан III ранга) Флеминг вышел в отставку и до 1959 года работал международным обозревателем лондонской газеты „Санди Таймз“.

В 1964 году Ян Флеминг умер, но за десять лет до этого, в 1954 году, вышла в свет его первая книга „Казино Ройяль“ с главным героем секретным агентом 007 Джеймсом Бондом. Тринадцать приключений Бонда, сборник публицистики и детская книга поставили Флеминга в ряд наиболее читаемых писателей современности.

С. Петухов

В поперечнике скат-хвосток достигал шести футов, а от тупого клина его рыла до конца смертоносного хвоста было футов десять. Темно-серый цвет чудовища имел тот лиловатый оттенок, который в подводном мире предостерегает об опасности. Время от времени скат сжимался со дна и переплывал на небольшое расстояние, напоминая огромное темное полотенце, колышущееся над бледно-золотистым песком.

Прижав руки к бедрам и неспешно перебирала ластами, Джеймс Бонд следовал за черной тенью через широкую окаймленную пальмами лагуну, выбирал удобный момент для выстрела. За исключением крупных мурен и всех скарпеновых, Бонд редко убивал рыб, разве что себе на обед. Но сейчас он решил застрелить ската, ибо тот выглядел омерзительным воплощением зла.

Было десять часов утра. Белл-Анс — гладкая, как зеркало, лагуна на южной оконечности Маз, самого большого из Сейшельских островов — блестяла под апрельским солнцем. Северо-западный пассат исчерпал свою силу месяцем раньше, и только в конце мая юго-восточный муссон принесет сюда прохладу. А теперь воздух сочился влагой, термометр показывал в тени восемьдесят*. Вода в закрытой лагуне была еще теплее, в ней даже рыбы казались вялыми. Зеленая рыба-попугай фунтов на десять, обгрызавшая водоросли с коралловой глыбы, прервала свое занятие лишь затем, чтобы лениво перекатить глаза на проплывшего сверху Бонда, и вернулась к трапезе. Выводок толстеньких серых бычков, озабоченно куда-то спешащих, учтиво распался надвое, пропуская тень человека, а затем вновь сомкнулся, продолжал свой путь. Секстет маленьких кальмаров, обычно пугливых как птицы, даже не озабочился поменять цвет при его появлении.

Бонд вяло шевелил ластами, держась от ската на расстоянии видимости. Скоро хвосток устанет и, убедившись, что большая рыба, преследующая его поверху, не собирается атаковать, ляжет на плоский участок дна, изменит окраску на маскировочную, бледно-серую, почти прозрачную, и мягкими волнообразными движениями каймы своих крыльев зароется в песок.

Приближался риф. Теперь на дне стали чаще встречаться торчащие из песка обнажения кораллов и лужайки морской травы. Впечатление было такое, будто по равнине подъезжаешь к большому городу. Всеми цветами радуги поблескивали снующие кругом коралловые рыбы. В тени расщелин пламенили гигантские асцидии — анемоны Индийского океана. Колония колющих морских ежей выпустила в воду облако сепий, словно кто-то разбил о скалу чернильницу. Похожие на маленьких дракончиков, из щелей тянулись и рыскали бриллиантово-голубые и ярко-желтые усы лангус-

* По Фаренгейту, или 26,7°C

тов. То тут, то там на фоне изумрудного ковра водорослей проглядывали крапчато-пестрые раковины леопардовых каури, величиной с теннисный мяч, а один раз Бонд заметил великолепный веер арфы Венеры. Впрочем, все эти чудеса уже порядком надоели ему, а риф интересовал лишь как прикрытие, позволявшее незаметно определить ската и, отрезав его от моря, гнать к берегу. Маневр удался, и вскоре загорелая живая торпеда следом за черной тенью пересекала голубое зеркало лагуны в обратном направлении. Недалеко от берега на глубине футов двенадцати скат лег на дно, наверное, в сотый раз. Бонд тоже остановился, едва двигал ластами. Он осторожно поднял голову и вылил воду из маски. Когда он опять посмотрел вниз, скат пропал.

У Бонда было подводное ружье „чемпион” с двойными резиновыми тлжами и хорошо заточенным трезубцем на конце гарпуна — оружие ближнего боя, но самое надежное для охоты в коралловых рифах. Бонд снял предохранитель и медленно двинулся вперед, плавно перебирал ластами. Он внимательно осматрелся вокруг, стараясь как можно дальше заглянуть в туманный голубой сумрак огромного подводного холла лагуны. Джеймс Бонд пристально вглядывался в каждую подозрительную тень: ему вовсе не хотелось иметь свидетелем убийства акулу или крупную барракуду. Иногда раненые рыбы кричат, но даже если они умирают молча, бьющаяся в конвульсиях жертва и запах ее крови привлекает морских гиен. Однако в поле зрения не было ни одного живого существа, песчаный горизонт таял в дымке серо-голубых кулис, напоминая пустые подмостки перед началом действия. Теперь Бонд увидел расплывчатый контур на дне. Он подплыл и завис над ним, наблюдал едва заметное движение: два крохотных фонтанчика песка танцевали над похожими на ноздри брызгальцами ската. Позади фонтанчиков виднелась небольшая припухлость — тело твари. Вот она мишень — на дюйм позади дышащих песчаных воронок. Бонд прикинул, достанет ли его хвост ската, плавно опустил ружье вертикально вниз и нажал курок.

Песок взорвался под ним, и на короткое страшное мгновенье Джеймс Бонд ослеп. Но тут же лить гарпуна натянулся, и он увидел под собой всплывающего ската, конвульсивно хлещущего вокруг себя хвостом. В основании хвоста ошетинились зазубренные ядовитые шипы. Считается, что от такого шипа погиб Улисс, но по свидетельству Плиния скат мог расщепить им ствол дерева. В индийском океане, где морские твари особенно ядовиты, единственная царапина шипом означала бы неминуемую смерть. Внимательно следя за тем, чтобы лить был постоянно натянут, Бонд с трудом справлялся с бешено сопротивляющейся рыбиной. Он старался держать сбоку от ската, чтобы тот не обрубил капроновый шнур взмахом хвоста. Раньше на Индийском океане из таких

хвостов делали бичи для надсмотрщиков рабов. Теперь их запретили, но во многих семьях на Сейшельских островах хвост ската передавали из поколения в поколение и по-старинке наказывали им неверных жен. Если шел слух, что кто-то из женщин познакомился с *la scarule** (местное название хвостокола), это означало, что распутница по меньшей мере неделю не встанет из постели.

Соппротивление раненого ската ослабло, и Бонд, заплыв спереди, потащил его за собой к берегу. На мелководье рыба совсем прекратила биться. Бонд выволок ее на пляж, по-прежнему стараясь держаться на расстоянии. Его опасения вскоре подтвердились: внезапно, при каком-то движении Бонда, а может просто надеясь застигнуть врага врасплох, скат резко дернулся и легко взметнулся в воздух. Бонд отпрыгнул в сторону. Рыбина тяжело шлепнулась на песок, подставив солнцу белое брюхо и судорожно зева огромным серпом своей пасти.

Бонд стоял и смотрел на ската, не зная, что делать дальше.

Коротенький толстый человек в рубашке и брюках хаки вышел из-под пальм и направился к Бонду по пляжу, усыпанному прибойным мусором и морским виноградом — высохшими под солнцем гроздьями лиц каракатиц. Еще издали он закричал звонким голосом:

— „Старик и море“! Кто кого поймал?

Бонд обернулся.

— Вы, наверное, единственный человек на острове, кто не носит мачете. Фидель, будьте славным парнем и позовите кого-нибудь из ваших людей. Эта тварь никак не подойдет и, кажется, не собирается отдавать мой гарпун.

Фидель Барбе, младший из многочисленных Барбе, владевших на Сейшельских островах почти всем, подошел и стал рядом, рассматривая ската.

— Неплохой экземпляр. Вам повезло, что попали как раз туда, куда следует, иначе он бы отбуксировал вас за риф, и в конце концов вам бы пришлось бросить ружье. Они дьявольски живучи. Но хватит об этом. Я приехал за вами. В порте Виктории появилась одна любопытная штука. За вашим руьем я пришлю кого-нибудь из моих людей. Возьмете хвост?

Бонд улыбнулся.

— Я не женат. Как насчет *gaie au beurre noir*** вечером?

— Не сегодня, мой друг. Пойдем, где вы разделитесь?

Когда они выехали на прибрежное шоссе, Фидель поинтересовался:

— Когда-нибудь слышали об американце по имени Милтон Крест? Кажется, он владеет сетью отелей и еще основал некий

* Негодий (фр.).

** Скат во фритюре (фр.).

Фонд Креста, точно не знаю. Но одно я вам скажу наверняка. У него самая лучшая яхта на Индийском океане. Встала на рейд вчера. Называется „Уэйв-крест“. Около двухсот тонн. Сто футов длиной. Словом, все при ней, начиная от красотки-жены и кончая большим транзисторным проигрывателем на гидropодвесе, чтобы игла не ерзала при волнении. Вся от борта до борта выстелена коврами в дюйм толщиной. Кругом кондиционеры. С этой стороны от Африки только на ней можно найти сухие сигареты. А такого шампанского, как мы распивали после завтрака, я не пробовал с тех пор, когда последний раз был в Париже.

Фидель Барбе залился довольным смехом.

— Мой друг, заверяю вас, это просто обалденная посуда, и хотя сам мистер Крест, похоже, везунчик из породы хамов, нам-то, черт побери, что за дело?

— Как сказать. Но по правде говоря, я не пойму, какое отношение все это имеет к вам или ко мне.

— Самое непосредственное, мой друг. Мы с вами отправляемся в круиз вместе с мистером Крестом... и миссис Крест, прекрасной миссис Крест. Я согласился провести яхту к острову Шагрен, помните, я вам о нем рассказывал? Это чертовски далеко отсюда, аж за Африканскими островами. Нашей семье от Шагрена нет никакого проку, разве что птички лйца там собирать. Остров лишь на три фута выше уровня моря. Уже лет пять, как я не заглядывал в это богом забытое место. Но мистер Крест желает попасть на Шагрен. Он собирает образцы морской фауны, якобы для своего Фонда. А там оказывается есть какая-то паскудная рыбешка, которая, как полагают, больше нигде не водится. По крайней мере, как сказал мистер Крест, единственный в мире экземпляр этой рыбы пойман именно на этом острове.

— Звучит довольно забавно. Но при чем здесь я?

— Вы ведь скучаете и у вас в запасе еще целая неделя до отплытия? Так вот, я сказал, что вы — здешний подводный ас и сразу же отловите ему рыбу, если она вообще там есть, и, что в любом случае я не тронусь с места без вас. Мистер Крест согласился. Вот такие дела. Я знал, что вы убиваете время где-то на пляже, поэтому сел в машину и ехал вдоль берега до тех пор, пока один из рыбаков не сказал мне, что какой-то сумашедший белый человек пытается закончить жизнь самоубийством в Белл-Анс. Я сразу понял, что это вы.

Бонд расхохотался.

— Просто поразительно, как здешний народ боится моря. Казалось бы, уже должны привыкнуть к нему, и тем не менее, сейшельцев, умеющих плавать, кот наплакал.

— Что вы хотите? Римская католическая церковь. У нас не принято раздеваться на людях. Идиотизм, конечно, но, увы, такова

реальность. А что касается страха перед морем, то не забывайте, что вы здесь всего лишь месяц. Акулы, барракуды — вы просто еще не повстречались с проголодавшейся. А камень-рыба? Когда-нибудь видели человека, наступившего на нее? Боль такая, что несчастный достает затылком свои плитки, а иногда просто страшно смотреть, как его глаза на самом деле вылезают из орбит. Редко кто выживает.

Бонд равнодушно заметил:

— Нужно обуваться или на худой конец бинтовать ступни, когда идешь на риф. В Тихом океане рыбы те же, но там их ловят, а крупными раковинами торгуют. Все это чертовски глупо. Все тут ноют, какие они бедные, тогда как здешнее море прямо кишит рыбой. А на дне сидит до полусотни разновидностей каури. Торгуя ими по всему миру, можно запросто нажить неплохие деньги.

Фидель Барбе покатился от смеха.

— Бонда — в губернаторы! Именно этого нам не хватало. На ближайшем заседании законодательного собрания, я выдвину вашу кандидатуру. Вы как раз тот человек, что нам нужен — дальновидный, изобретательный, энергичный. Каури! Это просто восхитительно. Мы бы выправили наш бюджет впервые после бума с пачули сразу после войны. „Кому сейшельские ракушки, налетай!“ — таким будет наш девиз. Я верю, что вы победите и в два счета станете сэром Джеймсом.

Что выгоднее: делать деньги экспортируя каури, либо продолжать разоряться на ванили? С дружескими подначками они оживленно продолжали спорить об этом до тех пор, пока пальмы вдоль дороги не уступили место гигантским драконовым деревьям на въезде в запущенную столицу острова Маэ.

Примерно за месяц до этого М* сообщил Бонду, что посылает его на Сейшельские острова.

— Новая база флота на Мальдивах не дает покоя Адмиралтейству. Туда проникают коммунисты с Цейлона. Забастовки, диверсии, словом, обычная картина. Дело их, разумеется, безнадежное, но они не могут вовремя одуматься и попытаться счастья на Сейшелах. Это на тысячу миль южнее, и по крайней мере пока там спокойно. Но ведь и коммунисты не захотят засыпаться еще раз. Министр колоний утверждает, что на Сейшельских островах, как за каменной стеной, и тем не менее я решил послать человека, чтобы получить независимое мнение. С тех пор, как пару лет назад они избавились от Макариуса**, у тамошней секретной службы почти не было хлопот. Парочка беглых проходимцев из Англии, японские траулеры, околачивающиеся вокруг, сильные профранцузские

* Один из руководителей британской секретной службы, СИС, и непосредственный начальник Джеймса Бонда. М — не инициал, а псевдоним.

** Архиепископ Макариос III, будущий президент Кипра, в 1956—57 гг. был в ссылке на Сейшельских островах.

настроения – вот, пожалуй, и все. Так что прокатитесь туда и внимательно осмотритесь на месте. – М бросил взгляд за окно, где падал мокрый мартовский снег, и добавил: – Кстати, не получите солнечного удара.

Свой доклад, из которого следовало, что единственной реальной угрозой для безопасности Сейшельских островов были их красоты, чреватые проникновением сюда туристов, Бонд закончил неделю назад, и теперь бездельничал, ожидал рейсового парохода „Кампала“ до Момбосы. Джеймса Бонда уже в буквальном смысле тошнило от жары, чахлых пальм, жалобных воплей чаек и бесконечных разговоров о копре. И он по-настоящему обрадовался возможности поменять обстановку.

Последнюю неделю Бонд гостил в доме Барбе в Порт-Виктории. Сейчас они заскочили сюда за вещами и, проехав почти до конца длинной набережной, оставили машину под навесом таможни.

Сверкающий под солнцем белоснежный корабль стоял на рейде в полумиле от берега. Они наняли пирогу с подвесным мотором и по зеркально гладкой бухте, миновав проход в рифе, направились к лхте. Она не отличалась изяществом линий – широкий корпус и приземистые надстройки придавали ей грузность, но Бонд сразу понял, что именно так и должно выглядеть настоящее морское судно, годное для плавания в открытом океане, а не только вдоль флоридских набережных. Издали лхта казалась безлюдной, но едва они подошли к ней, как появились два проворных матроса в белых шортах и тельняшках и встали с баграми у трапа, готовые оттолкнуть обшарпанную пирогу от сверкающей краской лхты. Они подхватили сумки Бонда и Барбе, и один из них, сдвинув в сторону алюминиевую крышку люка, жестом пригласил их спуститься вниз. Сделав несколько шагов по трапу, Бонд был ошеломлен окутавшим его прохладным, как ему показалось с улицы, морозным воздухом.

Они попали не в обычную кают-компанию, а в комфортабельную жилую комнату, где ничто не напоминало корабельный интерьер. Наполовину опущенные жалюзи прикрывали не иллюминаторы, а обычные окна. Вокруг низкого стола в центре стояли глубокие кресла. На полу лежал толстый шерстяной ковер бледно-голубого цвета. Светлый потолок и стены, облицованные панелями из серебристого дерева, создавали иллюзию простора. Здесь же стоял письменный стол с обычным набором письменных принадлежностей и телефон, большой проигрыватель и рядом с ним сервант, сплошь заставленный напитками. Над сервантом висел портрет красивой молодой брюнетки в черно-белой полосатой блузе, похоже, кисти Ренуара. Впечатление о гостинице в богатом городском доме дополняли ваза с белыми и голубыми гиацинтами на центральном столе и аккуратная стопка журналов рядом с телефоном. Салон был пуст.

— Ну, что я вам говорил, Джеймс? — прошептал Барбе. Бонд восхищенно покачал головой.

Этак и я готов наслаждаться морем — будто его, проклятого, вовсе не существует. — Он глубоко вздохнул. — Какое же это наслаждение наполнять грудь свежим воздухом. Я уже почти забыл его вкус.

— Свежий как раз снаружи, приятель, а это — консервы. — Мистер Милтон Крест незаметно вошел в салон и стоял у двери, наблюдая за своими гостями. Это был загорелый, еще бодрый, тренированный мужчина, лет пятидесяти с небольшим. Выгоревшие голубые джинсы, рубашка военного образца и широкий кожаный пояс подчеркивали его стремление выглядеть мужественно. Прозрачные карие глаза на обветренном лице, наполовину прикрытые веками, смотрели сонно и высокомерно. Уголки губ были опущены в капризной или, скорее, презрительной гримасе, а слова, которые он процедил сквозь зубы, сами по себе безобидные, кроме покровительственного „приятель“, походили на мелкую монетку, брошенную двум кули. Но самым странным в мистере Кресте Бонду показался его голос — мягкий, шепеляво произносящий звук „с“, точь-в-точь голос покойного Хамфри Богарта*. Джеймс Бонд профессионально окинул его взглядом с головы до ног: короткая стрижка из редких седых волос, походила на металлический коллачек пистолетной пули, татуировка на правой руке — орел, сидящий на адмиралтейском якоре, задубевшие подошвы босых ног, расставленных по-морскому. Бонд подумал, что этот человек наверняка жelaет, чтобы его считали хемингуэвским героем, и, что он, Джеймс Бонд, не доставит ему такого удовольствия.

Мистер Крест пересек салон и протянул руку.

— Вы — Бонд? Рад вас видеть на борту, сэр.

Предвидя костоломное рукопожатие, Бонд заранее напряг мышцы и парировал его.

— Так нырлете или с аквалангом?

— Без и не глубоко. Это лишь мое хобби.

— А чем занимаетесь в остальное время?

— Гражданский служащий.

Мистер Крест коротко лающе хохотнул.

— Слуга граждан. Ей-богу, из вас, англичан, выходят самые лучшие в мире дворецкие и камердинеры. Гражданский служащий, вы сказали? Пожалуй мы прекрасно проведем с вами время. Гражданские служащие — как раз их компанию я обожаю.

Звук открывающегося люка удержал Бонда от резкого ответа. Он мгновенно забыл о существовании мистера Креста, увидев как по трапу опускается обнаженная девушка. Нет, конечно, она была не совсем нагая — просто узенькое атласное бикини телесного цвета создавало такое впечатление.

* Известный американский театральный киноактер, отличавшийся мягким вкрадчивым голосом.

— Смотри-ка, мое сокровище! Где ты пряталась? Я соскучился без тебя. Встречай мистера Барбе и мистера Бонда, с этими ребятами мы отправимся в путь. — Милтон Крест протянул руку к девушке.

— Парни, это — миссис Крест. Пятая по счету миссис Крест. И просто на всякий случай, если кому-нибудь из вас придут в голову разные мысли, сообщаю, что она любит мистера Креста. Ты ведь любишь его, мое сокровище?

— О, ты опять шутишь, Милт. Ты ведь знаешь, что люблю. — Миссис Крест приветливо улыбнулась Бонду и Барбе. — Здравствуйте, господа. Очень мило с вашей стороны, что вы согласились составить нам компанию. Хотите выпить?

— Одну минутку, мое сокровище. Может ты разрешишь мне сначала рассказать им о порядках на борту моего собственного корабля? — Голос мистера Креста был нежен и вкрадчив.

— О, да, Милт, конечно.

— Окей. Итак, мы уже знаем, кто шкипер на этой посудине. — Его самодовольная улыбка обволакивала гостей. — Идем дальше. Между прочим, мистер Барбе, как ваше имя? Фидель, да? Отличное имя. В переводе со старинного означает „преданный“. — Мистер Крест добродушно фыркнул. — Ну, а сейчас, Фидо, как вы посмотрите, если мы, я и вы поднимемся на мостик и сделаем так, чтобы наш утлый челнок тронулся с места, а? Вы проведете его вдоль острова, выйдете в открытое море, ляжете на курс и передадите штурвал Фрицу, идет? Я — капитан, а он мой помощник. Кроме него в команде еще двое: моторист и кок. Все трое — немцы. Во всей Европе только среди них еще остались настоящие моряки. Теперь мистер Бонд. Вас зовут Джеймс, не так ли? Отлично, Джим, что вы скажете, если вам предложат гражданскую службу у миссис Крест? Кстати, ее зовут Лиз. Поможете ей приготовить закуску и выпивку. Она тоже когда-то была лайми*. У вас будет возможность повздыхать и обменяться впечатлениями о Пиккадили и Биг-Бене. Окей? Пошли, Фидо. — Крест с юношеской резвостью взбежал по трапу. — К чертям собачьим из этой норы!

Когда люк за ними закрылся, Бонд шумно выдохнул.

Миссис Крест смущенно сказала:

— Пожалуйста, не обижайтесь на его шутки. Просто у него такое чувство юмора. На самом деле он другой. Ему иногда нравится подразнить собеседника. Конечно, это нехорошо с его стороны, но, честное слово, он шутит.

Джеймс Бонд ободряюще улыбнулся ей. Как, наверное, часто приходилось говорить миссис Крест эти слова, успокаивая людей, на которых ее муж испытал свое чувство юмора.

* Презрительная кличка англичан (ам.).

Он сказал:

— Вашему мужу чуть-чуть не хватает проникаемости. Скажите, он также ведет себя на родине?

Она спокойно ответила:

— Только со мной. Он любит американцев. Так он разговаривает только за границей. Дело в том, что его отец был немцем, точнее пруссаком. И заразил сына нелепыми предрассудками, что мол, все остальные выродились и ни на что не годятся. Мой муж прямо-таки намертво вбил это себе в голову, с ним бесполезно спорить на эту тему.

Так вот оно что! Еще один заносчивый гунн. Всегда готов унижить вас, наступить вам на горло. Хорошенькое „чувство юмора“! Что же должна была перетерпеть эта красивая девушка, его рабыня. Английская рабыня...

Бонд спросил:

— Вы давно замужем?

— Два года. Я работала регистратором в одном из его отелей. У него целая сеть отелей. Это было как в сказке. Я и сейчас иногда ушпишу себя, чтобы убедиться, что не сплю. Вот, например, это: она обвела рукой салон, — слишком роскошно для меня. Он постоянно дарит мне что-нибудь. Знаете, в Америке он очень важная персона. Даже меня встречают как королеву, где бы я ни появлялась.

— Верю. Ваш муж, наверное, любит преклонение?

— О, да. — В ее улыбке читалась покорность судьбе. — В нем много от восточного султана. И он становится совершенно нетерпимым, если к нему относятся иначе. Мой муж часто любит повторять, что человек, всю жизнь в поте лица карабкавшийся на верхушку дерева, имеет право на самый сладкий из плодов, растущих там. — Миссис Крест, как бы спохватившись, что говорит о муже слишком вольно, быстро добавила: — Но что это я, в самом деле. Можно подумать, что мы знакомы сто лет. — Она смущенно улыбнулась. — Наверное, я разболталась потому, что встретила соотечественника. Однако мне нужно пойти переодеться. Я загорала на палубе. — Из корабельного чрева послышался приглушенный гул. — Слышите, мы отплываем. Хотите посмотреть, как мы будет выходить из бухты? Можете выйти на корму, а через пару минут я присоединюсь к вам. Вы мне расскажете о Лондоне, хорошо? Сюда, пожалуйста. — Лиз Крест открыла дверь. — Кстати, если вы спите чутко, можете ночевать здесь. Тут хорошая звукоизоляция, а, кроме того, в каютах немного душно, несмотря на кондиционеры.

Бонд поблагодарил ее и вышел наружу, задвинув за собой дверь. Просторный выкрашенный в кремовый цвет кокпит был застелен пеньковыми матами. В самой корме стоял небольшой полукруглый диванчик из пенополиуретана. Несколько плетеных

кресел, сервант-бар в углу у переборки салона, дополняли обстановку. Неожиданно Бонд подумал, что мистер Крест, по-видимому, сильно пьет. В самом деле жена боится его или Бонду только показалось? В ее поведении проскальзывало что-то унизительно рабское. Вне всякого сомнения она дорого платила за свою „сказку“. Бонд смотрел, как вдоль борта проплывают склоны Маэ. Он прикинул, что лхта сейчас делает узлов десять. Скоро они обогнут мыс Норт-пойнт и возьмут курс в открытое море. Облокотившись о борт Джеймс Бонд лениво думал о прекрасной миссис Элизабет Крест.

Скорее всего до гостиницы (регистратор — весьма почтенная дамская профессия, хотя и пахивающая высшим полусветом) она была манекенщицей. Даже сейчас она несла свое великолепное тело с безотчетной грацией женщины, привыкшей появляться на людях голой или почти голой. Правда, от нее не веяло мраморным холодом живого манекена, напротив, ее тело и открытое доверчивое лицо согревали. Ей было лет тридцать, определенно не больше, но ее красота, хотя нет, скорее просто миловидность по-прежнему оставалась юной. Самым прекрасным в ней были волосы — свободно ниспадающая густая грива пепельного цвета. По счастью она, похоже, не испытывала ни малейшего тщеславия на этот счет — не отбрасывала волосы нарочитым движением головы, не ласкала их. Бонд вдруг подумал, что и в самом деле он не заметил ни одного признака кокетства с ее стороны. Она стояла тихо, не сводя с мужа кроткого, почти рабского взгляда чистых голубых глаз. На ней не было и следа косметики — ни губной помады, ни маникюрного лака, брови не были выщипаны. Не считал ли мистер Крест, что его жена обязана выглядеть таким вагнеровским дитем природы? Очень может статься. Бонд пожал плечами. Совершенно неподходящая пара — стареющий Хеменгуэй с голосом Богарта и хорошенькая простушка. Между прочим, в их отношениях чувствовалось скрытое напряжение. Как она сжалась, когда за столом он грубым жестом самца облапил ее ногу. Бонд лениво усмехнулся, представив мистера Креста импотентом, неловко пытающимся скрыть порок с помощью примитивного заигрывания. Четыре или пять дней в его обществе наверняка окажутся невыносимыми. Наблюдая за проплывающим вдоль правого борта островом Силуэт, Бонд торжественно пообещал себе не терять хладнокровия. Как говорят в таких случаях американцы, он „съест ворону“. Это будет увлекательным психологическим практикумом, и он безропотно станет есть ворон в течение всех пяти суток, но не позволит этому проклятому тевтонцу испортить себе путешествие.

— Ну как, приятель, привыкаете? — С верхней палубы на него смотрел Милтон Крест. — Куда вы подевали женщину, с которой я

живу? Наверное, заставили ее делать всю работу за себя? Хотя почему бы и нет? Ведь они для этого и созданы, не так ли? Хотите осмотреть судно? Фидо несет вахту на мостике, и у меня сейчас есть свободное время. — Не дожидаясь ответа, Крест сбегал вниз по трапу, легко прыгнув с последних четырех ступенек.

— Миссис Крест переодевается. Спасибо, я буду рад осмотреть ваш корабль.

Мистер Крест уперся в Бонда своим тяжелым презрительным взглядом.

— Окей. Сначала его история. Построен на верфях бронсоновской судостроительной корпорации. Совершенно случайно мне принадлежат девятьсот процентов их капитала, поэтому я получил, что хотел. Корабль спроектирован в конструкторском бюро Розенблатта лучшими инженерами. Длина — сто футов, ширина — двадцать, осадка — шесть футов. Два дизеля по пятьсот лошадей. Максимальная скорость четырнадцать, крейсерская — восемь узлов. Дальность автономного плавания 2500 миль. Повсюду кондиционированный воздух. Судостроители оснастили корабль двумя пятитонными холодильниками. Пресной воды и продуктов хватает на месяц. А что моряку нужнее всего? Пресный душ и освежающая ванна, верно? Теперь пройдем на бак и осмотрим помещения команды, а потом спустимся вниз в машинное отделение. И еще одна вещь, Джим, — мистер Крест топнул ногой о палубу. — Это низ, а есть, верх, ясно? Если кто-нибудь на моем корабле делает то, что мне не нравится, я не прошу прекратить, я просто приказываю: „Отставить“. Вы меня поняли, Джим?

Бонд понимающе кивнул.

— У меня нет возражений. Эта лхта ваша, а я на ней пассажир.

— не на ней, а на нем, на моем корабле, — поправил его американец. — Полный идиотизм считать женщиной кусок дерева и железа. Но пройдем на бак. Можете не беречь голову. Переборки повсюду не ниже шести футов двух дюймов.

Бонд последовал за ним вниз по узкому коридору, тянущемуся во всю длину корпуса, и в течение последующего получаса почти непрерывно слушал рассказ своего экскурсовода о самой роскошной из всех лхт, которые он когда-либо видел. Каждое помещение было спроектировано с учетом максимального удобства для людей. Даже туалеты и душевая команды были просторными, а камбуз, весь отделанный нержавеющей сталью, не уступал размером капитаской каюте. В последнюю мистер Крест вошел без стука. Здесь у туалетного столика сидела Лиз.

— Что же ты, мое сокровище, — упрекнул ее муж нежным голосом. — Я думал, стол уже накрыт, а ты все еще возишься здесь. Наверное, прихорашиваешься специально для Джима, а?

— Прости меня, Милт. Я уже собиралась идти. Молнию заело. —

Лиз поспешно схватила пудреницу и бросилась к двери. Она вымученно улыбнулась, проскользнув между мужчинами в корридор.

— Панели из вермонтской березы. Плафоны из корингского стекла. Под ногами у вас циновка из мексиканской туссоки. Вот та картина на стене — с парусником — Монтегю Доусон, подлинник, между прочим... — Глухой голос хозяина продолжал плавно журчать, перечисляя музейные экспонаты, но Бонд его не слышал. Он, не отрываясь, смотрел в угол каюты, где за широкой двуспальной кроватью, с той ее стороны, которая без сомнения принадлежала мистеру Кресту, наполовину прикрытый ночным столиком висел тонкий хлыст около трех футов длиной, с витой рукоятью. Это был хвост ската.

Как бы невзначай, Бонд обошел кровать и взял его в руки. Он провел пальцем по шершавой поверхности плети, оцарапавшись даже при легком прикосновении.

Бонд спросил:

— Откуда он у вас? Только сегодня утром я убил одну из этих тварей.

— Купил в Бахрейне. Тамошние арабы учат им своих жен. — Американец с довольным видом осклабился. — Моей Лиз до сих пор хватило одного удара. Результаты великолепные. Мы с ней, называем его „воспитателем“.

Бонд повесил хлыст на место. Он внимательно посмотрел в глаза мистеру Кресту и спросил:

— Неужели? А на Сейшельских островах, где обычаи у креолов достаточно жестокие, закон запрещает драться такой штукой. Там ей уже почти никто не пользуется.

Повернувшись к выходу, мистер Крест сказал безразличным голосом:

— Между прочим, дружок, мой корабль — территория Соединенных Штатов.

Перед завтраком он проглотил три двойных водки в замороженном консоме, а во время еды пил много пива. Его прозрачные глаза чуть потемнели и подернулись влагой, но свистящий голос по-прежнему оставался мягким и невыразительным, когда он, видимо искренне полагая, что всем интересно его слушать, стал объяснять цель плавания.

— Дело, парни, в следующем. Мы в Штатах придумали систему фондов специально для тех удачливых ребят, которые имеют много монет, но не желают, понимаете ли, отдавать их в казну дяди Сэма. Учредив фонд, наподобие моего — с благотворительной целью: для бедных малюток, инвалидов, для научных целей, — вы просто раздаете деньги — любому и на любые цели. Нельзя только оплачивать собственные расходы и расходы своих нахлебников. Таким способом вы избегаете налогов. Я вложил миллионов десять в

Фонд Креста, а так как мне совершенно случайно нравятся морские путешествия, на два из них я построил этот корабль и сказал ребятам из Смитсоновского института (это наш крупнейший естественно-исторический институт), что готов отправиться хоть к черту на куличики, дабы пополнить их коллекции. Так я превратился в ученого, улавливаете? И каждый год в течение трех месяцев я имею превосходный отпуск практически даром! — Мистер Крест победно оглядел своих гостей, по-видимому, ожидая аплодисментов. — Поняли, в чем шутка?

Фидель Барбе с сомнением покачал головой.

— На словах все прекрасно, мистер Крест. Но эти редкие животные. Разве их легко добыть? Смитсоновцам, наверное, нужны гигантская панда, уникальные раковины. А где их взять, если они вымирают или уже вымерли?

Американец с сожалением посмотрел на Барбе.

— Вы рассуждаете, приятель, будто вчера родились. Все дело в деньгах. Вам нужна панда? Купите ее в каком-нибудь захолустном зверинце, у которого нет средств провести центральное отопление в террариум или починить клетку тигра, да мало ли в чем они будут нуждаться. Морские раковины? Вы находите человека, у которого они есть, и предлагаете ему такую сумму, что даже прорывав неделю, он все равно продаст их вам. Иногда, правда, возникают мелкие осложнения с правительством. Некоторые из этих дурацких зверей охраняются законом. Но тоже ничего страшного. Поясню на примере. Мы пришли на Маэ вчера. Мне был нужен черный попугай с острова Праслен, исполнинская черепаха с Альдабары, полная коллекция ваших каури и рыба, за которой мы сейчас направляемся. Попугай и черепаха охраняются законом. Вечером я навестил губернатора, наведя прежде некоторые справки в городе. „Ваше превосходительство, — сказал я ему, — как я понимаю, вы хотели бы построить публичный бассейн, чтобы учить плавать местных ребятишек. О'кей, Фонд Креста даст вам деньги. Сколько надо? Пять, десять тысяч? О'кей, вот вам десять тысяч. Получите чек. — Я выписал его тут же, не сходя с места. — Одна маленькая просьба, ваше превосходительство, — добавил я, не выпуская чека из рук, — так получилось, что мне нужен один черный попугай, который водится только у вас, и одна из альдабарских черепах. Я знаю, что они охраняются законом, но ведь вы не станете возражать, если я отвезу по одной штуке в Америку для Смитсоновского института?“ Он было заартачился, но приняв во внимание, что животные нужны для науки и, что главное, чек был все еще у меня, в конце-концов согласился, и мы ударили по рукам к обоюдному удовольствию. Вот так-то! На обратном пути я заехал к вашему милому мистеру Абендане, здешнему торговцу, и попросил его приобрести и поддержать до моего возвращения попугая и черепаху, а затем между

делом поведал ему о каури. И знаете, что выяснилось? Мистер Абендана с детства собирает эти чертовы ракушки. Он показал мне свою коллекцию. Все раковины прекрасно сохранились, каждая отдельно завернута в вату. Среди них было даже несколько изабелл и мапп, на которые он просил меня обратить особое внимание. Увы, мистер Абендана даже не допускает мысли продать их. Они столько значат для него и тому подобное. Какая чушь! Я просто посмотрел ему в глаза и спросил: „Сколько?“. Нет, нет, он даже и думать об этом не хочет. Снова чушь. Я вынул чековую книжку и выписал чек на пять тысяч долларов и показал ему. И он не устоял. Аккуратно сложил чек, запрятал его подальше в карман, затем, поверите ли, этот чертов неженка упал и зарыдал. — Мистер Крест развел руками в недоумении. — Он рыдал, как ребенок из-за кучки дерьмовых ракушек. Я посоветовал ему вытереть нос, забрал раковины и поскорее смылся, пока этот чокнутый негодник не застрелился от огорчения прямо при мне.

Милтон Крест откинулся назад с самодовольным видом.

— Ну, что вы теперь скажете, друзья? Я пробыл на островах всего двадцать четыре часа, а уже выполнил намеченное на три четверти. Неплохой результат, а Джим?

Бонд сказал:

— Вас, наверное, наградят медалью по возвращении в Штаты. А что это за рыба?

Крест встал из-за стола и, порывшись в бюро, вернулся на место с листком бумаги.

— Слушайте, — сказал он и стал читать машинописный текст: — „Раритет Гильдебранда. Пойман в сети профессором Гильдебрандом, университет Витватерсранда, у берегов острова Шержен, Сейшельский архипелаг, в апреле 1925 года“. — Мистер Крест поднял глаза от бумаги. — Далее шла целая куча разной научной белиберды, которую я распорядился перевести на нормальный язык. Вот что получилось. — Он вновь стал читать: „Это уникальный представитель семейства рыб-белок получил название „раритет Гильдебранда“ в честь своего первооткрывателя. Длина — шесть дюймов. Цвет — ярко-розовый с черными поперечными полосами. Спинной, брюшные и анальные плавники розовые. Хвостовой плавник черный. Глаза крупные, темно-синего цвета. При поимке требуется осторожность: лучи плавников, как у других голоцентровых рыб, исключительно острые. Профессор Гильдебранд сообщил, что поймал рыбу на глубине трех футов с внешней стороны рифа на юго-западной оконечности острова“. — Милтон Крест бросил листок на стол. — Вот такие дела, парни. Мы плывем за тысячу миль, я трачу несколько тысяч долларов — и все ради того, чтобы поймать заморыша длиной шесть дюймов. А всего пару лет назад эти гниды из налогового управления имели наглость предположить, что мой фонд — шарлатанство.

Лиз Крест оживленно вмешалась:

— Но, Милт, нам ведь и в самом деле на этот раз нужно привезти хороший улов. Помнишь, как эти ужасные люди из налогового управления грозились отнять лхту и взыскать налоги за последние пять лет, если мы снова не сделаем выдающегося вклада в науку? Разве не так они сказали?

— Сокровище, — голос мистера Креста был бархатным, — заткнула бы ты свой вонючий фонтан, когда речь идет о моих личных делах. Договорились? — Тем же ласковым голосом он продолжил: — Знаешь, чего ты добилась, сокровище? Заработала маленькое свидание с „воспитателем“ сегодня на ночь. Вот до чего ты достучалась.

Девушка закрыла рот рукой. С расширившимися глазами она прошептала:

— О нет, Милт, только не это, пожалуйста.

Через день, на рассвете, они подошли к острову Шагрен. Вначале он появился на радаре — тонкая горизонтальная ниточка на развертке индикатора, а затем на огромном выпуклом горизонте возникло крошечное размытое пятно и стало тягуче медленно расти, пока, наконец, не превратилось в зеленый островок в полимили длиной, окаймленный белым ожерельем прибора. Странно было видеть землю после двухсуточного плавания в пустынном океане, где лхта казалась единственным одушевленным предметом на фоне бескрайней неподвижной глади. Джеймс Бонд никогда раньше не видел и даже не представлял ясно, что такое полоса экваториальных штилей. Только сейчас он понял, какой страшной опасности подвергались они в эти дни. Гладкое, как стекло, море под бронзовым солнцем, вязкий тяжелый воздух и след редких облачков над краем горизонта — облаков, которые никогда не приблизятся, никогда не принесут ни ветерка, ни благословенного дождя. Какие же проклятья должен был слышать здешний океан веками от мореплавателей, гнувшихся под тяжестью весел, продвигаясь наверное лишь на милю в сутки! Бонд стоял на полубаке, наблюдая за летучими рыбами, выпрыгивающими из-под самого форштевня. Сквозь черную синеву стали проглядывать коричневые, светлые и зеленые островки отмелей. Как здорово, что он скоро сможет ходить и плавать, а не только лежать и сидеть. И какое счастье получать несколько часов одиночества, несколько часов вдали от мистера Милтона Креста.

Лхта отдала якорь с наружной стороны рифа на глубине десяти саженьей, и Фидель Барбе отвез их на катере на берег. Шагрен был типичным коралловым островом. Рифовая отмель ярдах в пятидесяти от берега, где с мягким шипением опадали длинные волны наката, окружала около двадцати акров песка и мертвых кораллов,

поросших чахлым кустарником. При появлении людей в воздух поднялась туча птиц — крачек, олуш, фрегатов. Покружив, они вскоре сели обратно. Аммиачный запах гуано пропитывал воздух, а растения были белыми от птичьего помета. Единственные обитатели острова, кроме птиц, крабы бросились наутек: сухопутные с шуршанием забились в *liane sans fin**, а манящие крабы зарылись в песок.

Белый песок отражал ослепительное солнце, от которого нигде не было спасения. Мистер Крест распорядился поставить палатку и сидел в ней, куря сигарету, пока с лхты на берег перевезли разное снаряжение. Миссис Крест плескалась на мелководье, собирав ракушки. Бонд и Фидель Барбе надели маски и отправились в противоположных направлениях вокруг острова осматривать риф.

Чтобы отыскать в тропических водах один определенный вид, будь то моллюск, рыба, водоросль или коралл, требуется постоянное и сосредоточенное внимание. Буйство красок, обилие жизни, бесконечная игра света постоянно сбивают с толку. Перед мысленным взором Джеймса Бонда стоял единственный образ — розовой шестидюймовой рыбки с черными поперечными полосами и темно-синими глазами, второй рыбы, которую когда-либо видел человек.

— Если заметите рыбу, — велел мистер Крест, — просто крикните и не теряйте ее из виду. Все остальное — моя забота. У меня здесь в палатке имеется кое-что. Вы такой классной штуки для рыбалки еще не видели.

Бонд остановился, чтобы дать отдых глазам. Лежа на поверхности воды, он расковырял острием гарпуна морского ежа и наблюдал за ватагой пестрых коралловых рыбок, стремглав бросившихся на лохмотья желтой плоти среди острых, как иглы, черных колючек. Чертовски глупо будет с его стороны поймать этот раритет и облегчить жизнь мистеру Кресту! Может промолчать, если он увидит рыбу? Это будет совсем по-детски, а он, между прочим, сейчас, вроде как работает по найму. Бонд медленно двинулся вперед. Его глаза автоматически ощупывали дно, а мысль вернулась к жене Милтона Креста. Весь вчерашний день она провела в постели, из-за мигрени по словам ее мужа. Прикончит ли она его одним прекрасным вечером? Спрячет нож или пистолет и убьет, когда он потянется за своей дьявольской плеткой. Хотя вряд ли. У нее совсем нет силы воли, слишком она забита. Из породы рабынь. Мистер Милтон Крест сделал правильный выбор. „Сказка“ ей слишком дорого обходится. Интересно, понимает ли она, что присяжные наверняка оправдают ее, если им покажут хвост ската? Она могла бы получить все, что имеет, и без этого мерзкого типа впридачу. Может стоит ей подсказать? Черт подери, что за глупость! Ну как он ей скажет? „О, Лиз, если ты хочешь замочить своего муженька, валяй, не стесняйся, все будет окей“. Бонд ухмыльнулся под

* Стелющиеся, перевитые клубками лианы (фр.).

маской. А ну их к дьяволу! Зачем лезть в чужую жизнь. Может она мазохистка и обожает своего мужа. Тоже, впрочем, глупость. Она постоянно живет в страхе. Скорее всего, он отвратителен ей. Впрочем, мало что можно было прочесть в ее покорных голубых глазах, лишь один-два раза вспыхивали они чем-то похожим на детскую ненависть. Хотя была ли это ненависть? Может у нее просто заболел живот? Бонд поднял голову и осмотрелся вокруг. Впереди, футах в ста, из воды торчала трубка Фиделя Барбе. Они почти замкнули круг.

Встретившись, они повернули к берегу и, выйдя из воды, растянулись на горячем песке. Фидель сказал:

— С моей стороны все что угодно, кроме нее. Однако мне повезло. Набрел на большую колонию зеленых пинкад. Это — жемчужницы размером с футбольный мяч. Страшно дорогие. По возвращении я пошлю за ними одно из моих судов. Еще видел голубого попугая фунтов на тридцать. Почти ручной, как все рыбы здесь. Знаете, рука не поднялась убить его. Хотя, честно признаться, стрелять было опасно. За рифом рыскает пара или тройка тигровых акул. Сразу бы явились на кровь. Кстати, я не против чего-нибудь выпить и закусить. А потом поменяемся сторонами и еще раз сплавим.

Когда они подходили к палатке, Милтон Крест вышел на голоса.

— Пусто, да? — Он сердито почесал подмышкой. — Проклятые москиты. Черт знает что, а не остров! Лиз не вынесла вони и смогалась на корабль. Надо сделать еще один заход и тоже отваливать отсюда. Сами найдете, что пожевать. В холодильной сумке есть пиво. Ну-ка, дайте мне вашу маску. Куда ее надевают? Надо и мне заглянуть на морское дно, раз уж я здесь.

Джеймс Бонд с Фиделем Барбе сидели в раскаленной палатке, запивая пивом куриный салат-оливье, и наблюдали, как мистер Крест бултыхается на мелководье рифа.

Фидель сказал:

— Он прав, эти маленькие острова настоящие вонючие дыры. Кучка птичьего дерьма и крабов и много-много моря вокруг. Только холоднокровные европейцы могут грезить о коралловых островах. Восточнее Суэца вы не найдете ни одного нормального человека, который бы дал за них ломаный грош. У моей семьи около десятка таких островков, в том числе и довольно большие, с деревнями. Копра и черепахи приносят неплохой доход. Так вот, я бы все их скопом обменял на одну квартиру в Париже или Лондоне.

Бонд расхохотался. Он начал было говорить: — Дайте объявление в „Таймс“, и вы станете получать предложения мешками... — как вдруг раздался истошный вопль мистера Креста. Бонд философски заметил: — Одно из двух: либо он нашел своего ублюдка, либо наступил на ската, — и схватив маску, бегом бросился к морю.

Американец стоял по пояс в воде ярдах в пятидесяти от берега и возбужденно тыкал пальцем в воду. Джеймс Бонд неспешно

поплыл к нему. Ковер водорослей сменился обломками кораллов и одиночными скалами. Дюжина рыб-бабочек резвилась вокруг них, а маленький лангуст вопросительно тянул к нему свои усы-антенны. Из пещеры торчала голова большой зеленой мурены. Не сводя с Бонда внимательного взгляда золотистых глаз, она приоткрыла челюсти и продемонстрировала два ряда игольчатых зубов. Самое удивительное, что волосатые ноги Милтона Креста, увеличенные маской до размера столбов, стояли не далее, чем в футах от челюстей хищника. Бонд, провоцируя, ткнул мурену остройгой, но она лишь клацнула зубами по металлу и исчезла в море. Бонд неподвижно завис, вглядываясь в чащу подводных джунглей. Расплывчатое красное пятнышко, внезапно возникшее на фоне туманной серой мглы, постепенно фокусируясь, приближалось к нему. Оно описало круг прямо под ним, словно демонстрируя себя. Темно-синие глаза равнодушно изучали человека. Рыбка деликатно пощипала водоросли на скале, затем резким броском поймала какие-то крошки в толще воды и, будто покидая сцену, медленно погрузилась в мглистую глубину, растаяв.

Джеймс Бонд отплыл задним ходом от пещеры мурены и встал на дно. Сняв маску, он поднял глаза на мистера Креста. Тот нетерпеливо плыл к нему сквозь стекло своей маски. Бонд сказал:

— Все в порядке, это она. Нам лучше потихоньку убраться отсюда. И не волнуйтесь, никуда она не денется, если ее не спугнуть. Эти коралловые рыбы всегда пасутся на одном и том же месте.

Милтон Крест стянул маску.

— Черт возьми, я нашел ее! — торжественно воскликнул он. — Я, черт возьми! — И последовал за Бондом к берегу.

Ожидавшему их Фиделю Барбе он закричал еще издали:

— Фидо, я нашел эту проклятую рыбешку. Я — Милтон Крест, слышите? После того, как два вонючих профессионала пронырjali за ней полдня. Я же просто надел вашу идиотскую маску, заметьте, я впервые в жизни надевал этот намордник, зашел в воду и ровно в четверть часа нашел то, что искал. Что вы скажете на это, Фидо?

— Здорово, мистер Крест, просто потрясающе. Но как же мы ее поймаем?

— Ага! — Крест подмигнул им с довольным видом. — У меня есть как раз то, что нужно. Достал у одного приятеля-химика. Это — вещество под названием ротенон. Делается из корней тропических растений. В Бразилии дикари без него на рыбалку не ходят. Они просто капают его в воду над той рыбой, которую хотят поймать, и будьте уверены, берут ее голыми руками, как миленькую. Ротенон — разнородность яда. Сужает кровеносные сосуды в рыбьих жабрах. Проще говоря, душит их. На человека не действует, потому что у нас нет жабр, ловко? — Мистер Крест повернулся к Бонду. — Вы, Джим, поплывете туда и будете следить за ней. Смотрите, чтобы эта дрянь не удрала. Мы с Фидо зайдем с тыла, — он описал пальцем дугу, показывая где они будут. — Я вылью ротенон по вашему

сигналу. Его понесет течением прямо на вас. Ясно? Но ради бога, не прозевайте момент. У меня только пять галлонов ротенона. Окей?

— Хорошо, — сказал Бонд и неспеша пошел в воду. Он возвращался туда, где только что был. Под водой ничего не изменилось, все были на своих местах, каждый занимался своим делом. Опять из пещеры торчала пятнистая голова мурины, опять маленький лангуст пытался познакомиться с ним. А буквально через минуту, словно они назначали свидание, вновь появился раритет Гильдебранда. На этот раз рыбака подплыла совсем близко к его лицу. Сквозь стекло маски она заглянула прямо в глаза человеку и, словно ужаснувшись того, что увидела в них, стремглав бросилась назад. Еще несколько секунд ее было видно между скалами, а потом красное пятно растаяло в глубине.

Крохотный подводный мирок в пределах видимости постепенно привыкал к человеку. Маленький осьминог, притворившийся обломком коралла, ожил и медленно наощупь пошел вниз по скале на песок. Желто-голубой лангуст вышел на несколько шагов из-под скалы и с благоговейным изумлением уставился на Бонда. Какие-то совсем мелкие рыбки, похожие на пескарей, щекоча, клевали пальцы его ног. Бонд разломил для них морского ежа, и они наперегонки бросились к лакомству. Он поднял голову и огляделся. Справа ярдах в двадцати стоял мистер Крест с большой плоской флягой в руках.

Бонд отрицательно покачал головой.

— Когда она появится, я подниму большой палец. Тогда сразу же лейте.

— Окей, Джим, вы штурман, а я бомбардир.

Бонд опустил лицо в воду.

Снова под ним мирок, живущий своими маленькими заботами. Но скоро, ради одной единственной рыбы, не очень-то, наверное, и нужной музею за пять тысяч миль отсюда, должны будут умереть сотни, а может тысячи жителей рифа. Он подаст знак, и тень смерти опустится на них. Интересно, как долго действует яд? Далеко ли он распространяется вдоль рифа? Скорее всего, погибнут не тысячи, а десятки тысяч.

Приплыл маленький кузовок — великолепный красно-черный с золотым шар с крошечными, крутящимися, как пропеллеры, плавниками. Сев на дно, он стал ковыряться в песке. Откуда ни возьмись, материализовалась парочка вездесущих сержантов, привлеченных запахам разломанного Бондом ежа. Полосатые черно-желтые рыбы удивительно напоминали старшинские нашивки.

Кто угрожал рыбьему народцу с этой стороны рифа? Кто здесь хищничал? Мелкие барракуды, случайно заплывшая макрель? Но сейчас здесь появился настоящий хищник, человек по имени Крест,

он ждет своего выхода не сцену. Он убьет всех, просто убьет, почти что ради забавы.

Две загорелые ноги появились в поле зрения Бонда. Он поднял голову. Напротив стоял Фидель Барбе с большой плетеной корзиной на ремне и рыболовным сачком с длинной ручкой. Бонд сдвинул маску на лоб.

— Настроение как у того летчика над Нагасаки.

— У рыб холодная кровь. Они ничего не чувствуют.

— Откуда вы знаете? Я сам слышал, как они кричат перед смертью.

Барбе равнодушно заметил:

— Эти не закричат. Они просто задохнуться. Что с вами, Джеймс? Это всего лишь рыбы.

— Да, да, знаю.

Фидель Барбе всю жизнь только тем и занимался, что охотился на рыб и зверей. А он, Джеймс Бонд, порой, не колеблясь, убивал людей. Не дрогнула же у него рука застрелить ската. Но хвосток был рыбой-врагом, а здесь кругом безобидный дружелюбный народец. Народ, люди? Патетическая софистика!

— Эй, — донесся голос американца. — Что там происходит? Сейчас не время чесать языки. Гляди вниз, Джим.

Бонд натянул маску и снова лег на поверхности воды. И сразу же увидел красную тень, всплывшую из туманной мглы. Рыба направилась прямо к нему, словно на этот раз поверив человеку. Она зависла в толще воды под ним и с любопытством рассматривала его.

Бонд проворчал в маску:

— Убирайся отсюда, черт тебя подери.

Он сильно ткнул ее гарпуном. Рыба стремительно улетела назад в голубую дымку. Бонд поднял голову и со злостью шлепнул по воде кулаком с оттопыренным большим пальцем. И тут же ему стало стыдно за свой нелепый и мелочный обман. Темно-коричневая маслянистая жидкость расплывалась на поверхности лагуны. Было еще не поздно остановить мистера Креста, прежде чем он выльет все, дать ему возможность поймать раритет Гильдебранда. Бонд молча наблюдал, как из канистры стекали последние капли ротенона. Черт с ним, с мистером Крестом!

Поверхность лагуны подернулась маслянисто-свинцовой пленкой. Теперь лоснящееся под солнцем темное пятно разрасталось и, медленно опускаясь вглубь, окутывало риф. Следом за гигантской жаткой смерти по полюс в воде шел Милтон Крест.

— Внимание, парни, — крикнул он весело. — Сейчас она сдохнет где-то прямо под вами.

Бонд опустил голову. Под водой жизнь текла своим чередом, как вдруг с ошеломляющей внезапностью все кругом сошли с ума.

Впечатление было такое, будто всех разом захватил приступ пляски святого Витта. Рыбы описывали мертвые петли и словно опадающие листья опускались на дно, устилая трупами песок. Мурена медленно выползала из своей пещеры с широко раскрытой пастью. Вытянувшись, она встала на хвост, и мягко повалилась на бок. Маленький лангуст трижды судорожно дернулся и опрокинулся на спину. Осьминог отклеился от скалы и, перевернувшись, пошел на дно. А затем все пространство заполнили трупы обитателей рифа, погибших выше по течению. Медленно дрейфовали рыбы вверх белыми брюшками, креветки, черви, раки-отшельники, плетистые и зеленые мурены, лангусты всех размеров. словно дуновением смертельного бриза пронесло мимо Бонда раскоряченные тела с успевшими поблекнуть красками. Пятифунтовая макрель, судорожно разевая рот, боролась с удушьем. Ниже по течению слышались всплески на поверхности воды — крупные рыбы пытались спастись бегством. Один за другим на глазах Бонда со скал отпадали морские ежи, оставляя на песчаном дне чернильные пятнышки.

Бонд почувствовал толчок в плечо. Подняв лицо, он встретился с налитыми кровью глазами Милтона Креста. Губы американца были белыми от толстого слоя солнцезащитной пасты. Он нетерпеливо закричал Бонду в стекло маски:

— Где, черт тебя возьми, моя рыба?

Бонд, приподняв маску, сказал:

— Похоже ей удалось смыться как раз перед тем, как ротенон осел на дно. Я продолжаю искать ее.

Не дождавшись ответа, он быстро опустил голову в воду. Масштабы бойни все нарастали, все больше появлялось мертвых тел. Но губительное облако, похоже, стало редеть. Да, если рыба — теперь его рыба, ведь он спас ее — если она вернется сюда, то будет в безопасности. Бонд замер. В отдаленной мгле мелькнул розовый проблеск. Рыба во-время ушла, но сейчас она возвращалась. По лабиринту расщелин кораллового рифа раритет Гильдебранда медленно подплывал к нему.

Не обращая внимания на мистера Креста, Бонд свободной рукой с силой хлопнул по поверхности. Рыба неумолимо приближалась. Сдвинув предохранитель, он выстрелил перед ней. Рыба не реагировала. Бонд опустил ноги на дно и по ковру трупов пошел ей навстречу. Прекрасная розово-черная рыбка остановилась, задрожала всем телом и вдруг сильным рывком подлетела к нему и упала на песок. Она лежала неподвижно. Бонду оставалось лишь нагнуться и подобрать ее. Он не почувствовал даже последних биений хвоста. Рыбка просто заполнила его ладонь, легонько покалывая колючками спинного плавника. Бонд опустил руку под

воду, чтобы не поблекли ее цвета. Он подошел к мистеру Кресту и, протянув ладонь, сказал: — Вот.

Отдав ему рыбку, Бонд нырнул и поплыл к берегу.

Вечером того же дня на борту лхты, скользящей по дорожке огромной желтой лагуны, мистер Крест раздавал приказания относительно того, что он сам назвал „попойкой”.

— Устроим праздник, Лиз. У нас был ужасный, ужасный день, но мы сбили последнюю мишень и теперь можем послать к чертям собачьим проклятые Сейшелы и вернуться к цивилизации. Как ты посмотришь, если мы возьмем на борт черепаху и этого дурацкого попугая и отправимся напрямиком в Момбасу? Оттуда долетим до Найроби, пересядем в большой самолет, и дальше — в Рим, Венецию, в Париж, куда пожелаешь. Ну что скажешь, сокровище? — Он захватил в жменю ее щеки и подбородок и чмокнул в бледные выпятившиеся губы. Бонд взглянул ей в глаза, но они были плотно зажмурены. Крест отпустил жену. Она помассировала лицо. На щеках по-прежнему выделялись белые следы его пальцев.

— Фу ты, Милт, — слабо усмехнулась она. — Ты чуть не раздавил меня. Ты все время забываешь о своей силе. Давай отпразднуем. Мне кажется, мы прекрасно проведем время. А твоя идея насчет Парижа просто грандиозна. Поедем туда, ладно? Что мне заказать к обеду?

— Проклятье, икру, конечно, — мистер Крест развел руки. — Откупорим одну из тех двухфунтовых банок от Гаммахера-Шлеммера — зернистая икра номер десятый. Ну все остальное к ней. А пить будем розовое шампанское. — Он повернулся к Бонду. — Вас устраивает такое меню, приятель?

— Звучит аппетитно, — Бонд решил поменять тему. — Куда вы дели свой трофей?

— Плавает в формалине. Вместе с остальной гадостью, что мы набрали здесь, рыбами, ракушками. Не беспокойтесь, в моем домашнем морге полный порядок. Меня специально обучили хранить образцы. Когда вернемся в цивилизованный мир, я пошлю эту проклятую рыбу авиапочтой. Но прежде организую пресс-конференцию. Мне необходим большой шум в газетах по возвращении в Штаты. Я уже дал радиোগраммы в Смитсоновский институт и всем телеграфным агентствам. Газетные вырезки помогут моим счетоводам прищемлять хвост этим подонкам из фискального департамента.

За обедом мистер Крест сильно напился. Впрочем, внешне это почти не проявилось. Круглая массивная голова поворачивалась медленнее. Прикуривал гасшую сигару он чуть дольше обычного и смахнул со стола один стакан. Вкрадчивый богартовский голос стал еще мягче и размеренней. Выдавало его лишь то, что он гово-

рил. Слишком близко к поверхности у этого человека лежала жестокость, патологическая страсть причинить боль. Этим вечером его первой жертвой стал Джеймс Бонд. После обеда Милтон Крест по-дружески растолковал ему, почему Европа, и в первую очередь Англия и Франция утратили влияние. Сегодня в мире, по мнению мистера Креста, есть только три державы: Америка, Россия и Китай. Только они разыгрывают покер, у остальных нет ни фишек, ни денег, чтобы вступить в игру. Он, конечно, допускает, что какал-нибудь маленькая страна, в прошлом относившаяся к высшей лиге, может одолжить мелочь, чтобы поставить свою карту во взрослой игре. Но всем понятно, что это простая вежливость, так в клубе разрешают иной раз поставить на кон разорившемуся прихлебателю. Нет, в Англии приятные люди, неплохая охота и можно поглазет на старые развалины, королеву и тому подобное. Франция? Единственное столешнее, что там есть, это хорошая кухня и доступные женщины. Италия? Солнце, спагетти, в целом же не страна, а большой санаторий. Германия? Здесь, пожалуй, еще можно встретить настоящих мужчин, но две подряд проигранные войны выпустили из них последний дух. С оставшейся частью мира мистер Крест расправился несколькими короткими замечаниями в том же духе, а затем поинтересовался мнением Бонда.

Джеймс Бонд смертельно устал от него. Он сказал, что точка зрения мистера Креста кажется ему чересчур упрощенной и даже, он бы сказал, наивной. Далее Бонд заметил, что доводы мистера Креста напомнили ему одну довольно остроумную байку об американцах.

— Хотите послушать ее? — спросил он.

— Разумеется.

— Все потому, что Америка от детства сразу перешла к старости, миновав стадию половой зрелости.

Мистер Крест задумчиво посмотрел на Бонда. Наконец он произнес:

— Что я могу сказать, Джим? Довольно тонко подмечено. — Прикрыв глаза веками и подняв подбородок, он повернулся к жене. — Кажется, ты согласна с Джимом, а, сокровище? Я припоминаю, как ты однажды сказала, что в американцах есть что-то от детей. Помнишь?

— О, Милт, — глаза Лиз Крест стали страдальческими. Казалось она прочла свой приговор. — Как ты можешь говорить так? Ты же знаешь, что я, не подумав, сказала один раз о комиксах в газетах. Конечно же, я не согласна с Джеймсом. Во всяком случае он только пошутил. Это ведь шутка, правда, Джеймс?

— Конечно, — ответил Бонд. — Я пошутил, точно также, как пошутил мистер Крест, сказав, что Англии нечем гордиться, кроме руин и королевы.

Милтон Крест по-прежнему, не отрываясь, смотрел на жену. Он проворковал свистящим голосом:

— Чушь, мое сокровище. Почему ты так нервничаешь? Конечно, я пошутил. — Он сделал паузу. — Но я запомню это, сокровище, я обещаю тебе помнить это долго.

По оценке Бонда мистер Крест уже влил в себя около бутылки спиртного, преимущественно виски. Он решил, что если американец в ближайшее время не свалится сам, придется помочь ему. Дать в челюсть, один раз, но крепко.

Теперь Фидель Барбе получал свою порцию.

— Когда я впервые увидел твои острова на карте, Фидо, то решил, что ее просто засидели мухи. — Мистер Крест хихикнул. — Даже попробовал сколупнуть мушиное дерьмо ногтем. Потом я немного почитал о них и убедился, что мое первое впечатление было верным. Они ни на что не годятся, признайся, Фидо. Удивляюсь, как умный парень, вроде тебя, может жить здесь. Разве это жизнь — попрошайничать на пляже. Правда, я слышал, что кто-то из вашей семейки настрого больше сотни ублюдков. Может поэтому тебе нравится здесь, а, шалун? — Крест понимающе осклабился.

Фидель Барбе ответил спокойным голосом:

— Это мой дядя Гастон. Его в нашей семье осуждают. Он сильно подорвал наше семейное состояние.

— Как, как, семейное состояние? — Милтон Крест подмигнул Бонду. — Из чего же оно состоит? Из ракушек каури?

— Не только из них. — Столь беспардонная манера американца была Фиделю Барбе в новинку. Он смутился. — Мы неплохо зарабатывали на черепаховой кости и перламутре лет сто назад, когда они были в цене. Но главным нашим бизнесом всегда была копра.

— Ага, а на плантациях вкалывали ваши семейные бастарды. Кстати, неплохая идея. Надо будет и мне завести нечто подобное в моем семейном кругу. — Он взглянул на жену. Уголки его резиновых губ опустились еще ниже. Но прежде, чем он успел произнести очередную грубость, Бонд, отбросив стул, резко встал и вышел из салона на корму, плотно задвинув за собой дверь.

Спустя минут десять он услышал зади крадущиеся шаги. Бонд обернулся. Со шлюпочной палубы по трапу спускалась Лиз Крест. Она подошла к нему и произнесла вымученным голосом:

— Я сказала, что иду спать, но по пути решила зайти сюда и спросить, может вам что-нибудь нужно. Боюсь, я не слишком гостеприимная хозяйка. Вам удобно спать здесь?

— Да, я всегда предпочитаю свежий воздух. А кроме того, мне нравится смотреть на звезды. Никогда раньше не видел столько звезд.

Она живо откликнулась, словно обрадовавшись его словам:

— А я больше всех люблю пояс Ориона и Южный Крест. Знаете, в детстве звезды казались мне настоящими дырочками в небе. Я

думала, что весь мир накрыт большим черным покрывалом, за которым вселенная наполнена ярким светом. А звезды – это обычные дырочки в покрывале, пропускающие лучики света. У детей всегда бывают ужасно глупые мысли. – Она подняла на Бонда глаза, и он увидел в них затаенную тревогу: она боялась получить в ответ грубость.

Он сказал:

– Наверное, вы были правы. Нельзя же верить всему, что говорят ученые. Они всегда стремятся сделать этот мир скучным. Где вы провели детство?

– В Рингвуде на юге Гэмпшира. Там прекрасные места для детей, очень красивые. Как бы я хотела когда-нибудь вернуться туда хоть ненадолго.

– Ну, с тех пор утекло много воды. Скорее всего, вам покажется там скучно, – рассудительно заметил Бонд.

Она протянула руку и тронула его за рукав.

– Пожалуйста, не говорите так. Вы не понимаете... – В ее тихом голосе послышалось отчаяние. – Я больше не могу, я хочу жить, как все остальные люди – обычные люди. Я имею ввиду... – Она нервно рассмеялась. – Вы не поверите, как я мечтаю поговорить, просто поговорить с кем-нибудь похожим на вас. Даже этого я лишена... – Она внезапно схватила его за руку и сильно сжала ее. – Простите меня. Мне захотелось пожать вам руку. А сейчас я иду спать.

Сзади послышался вкрадчивый голос. Он был нетвердым, но тщательно выговаривал каждое слово, отделяя его от следующего.

– Ну, ну. Как вам это понравится? Поцелуй и объятия с моим водолазом. – В проеме двери салона, вцепившись за притолоку, стоял мистер Крест. На фоне света черный силуэт с широко расставленными ногами и поднятыми руками сильно смахивал на бабуина. Из-за его спины тянуло холодом. Мистер Крест шагнул вперед и мягко задвинул за собой дверь.

Джеймс Бонд тоже сделал шаг навстречу, прикидывая расстояние до солнечного сплетения американца. Расслабив мышцы, он сказал:

– Не торопитесь с выводами, мистер Крест. И попридержите свой язык. Вам очень повезло, что сегодня вечером вы еще не получили трепку. Так что не испытывайте судьбу. Вы пьяны. Идите проспите.

– Ого! Вы только послушайте этого наглого юношу. – Мистер Крест повернул мертвенное в лунном свете лицо к жене. По-габсбургски презрительно оттопырив нижнюю губу, он вытащил из кармана серебряный свисток и покрутил им на цепочке. – Этот парень совершенно не оценивает ситуацию, не так ли, сокровище? Ты ему, наверное, еще не успела сообщить, что я держу тех ландскнехтов на баке не для мебели? – Он повернулся к Бонду. – Сы-

нок, еще шаг, и я дуну вот сюда, один раз. И знаешь, что будет? Будет „раз-два взяли” мистера проклятого Бонда и... — Он махнул рукой в сторону моря. — Человек за бортом! Ужасное происшествие. Мы возвращаемся и начинаем искать, и ведь находим тебя, парень. Совершенно случайно находим и проезжаем прямо по твоей башке двойными винтами. Заверяю тебя в этом. Какое несчастье приключилось с этим приятным парнем Джимом, мы все его так любили! — Мистер Крест покачулся. — Ты все понял, Джим? Окей, значит мы снова друзья и пойдем баиньки. — Открыв дверь салона, он снова повис одной рукой на притолоке, а другую протянул к жене и медленно согнул указательный палец.

— Иди сюда, сокровище. Время спать.

— Да, Милт. — Широко раскрытые испуганные глаза покосились на Бонда. — Спокойной ночи, Джеймс. — Не дожидаясь ответа, она нырнула под руку мужа и почти бегом ринулась через салон.

Мистер Крест поднял руку.

— Не принимай близко к сердцу, приятель. Не обижайся на меня, ладно?

Бонд молчал. Он пристально смотрел мистеру Кресту в глаза. Тот неуверенно рассмеялся и пробормотал: — Ну, тогда окей. — Отступив, он задвинул за собой дверь. Через окно Бонд видел, как американец, покачиваясь, двигается по салону, выключая свет. Затем в глубине темного коридора мелькнул проблеск из двери капитанской каюты и тут же погас.

Джеймс Бонд пожал плечами. Боже, что за человек! Он облокотился на борт и стал смотреть на звезды над фосфорисцирующей кильватерной струей.

Через полчаса, когда Бонд, приняв душ в ванной на баке, готовил себе постель из ворсистых диванных подушек, тишину тропической ночи разорвал короткий пронзительный крик. Кричала Лиз. Бонд опрометью пронесся через салон и по темному коридору. Лишь дотронувшись рукой до двери капитанской каюты, он пришел в себя. Из-за двери доносились всхлипывания девушки и перекрывающее их невнятное журчание голоса мистера Креста. Бонд убрал руку с щеколды. Проклятье! Ему-то что за дело? Если жена терпит издевательства мужа и не разводится, какой прок ему разыгрывать из себя сэра Галахада*? Бонд медленно побрел назад по коридору. Когда он шел через салон, его нагнал второй крик, на этот раз не такой отчаянный. Бонд, не останавливаясь, вышел на корму, разделся, и лег в свою постель. Он постарался сосредоточиться на мягком урчании дизелей. Почему у нее так мало силы воли? Или дело в ином? Может, женщины готовы терпеть от мужчин все, кроме равнодушия? Его мозг отказался развивать дальше эту мысль, погружаясь все глубже и глубже в сон.

* Один из рыцарей Круглого Стола, образец благородства.

Часом позже, когда Бонду уже начало что-то сниться, со шлюпочной палубы раздался храп мистера Креста. На вторую ночь после выхода из Порта Виктории он тоже среди ночи пришел спать из своей каюты в гамак, специально для него подвешенный между катером и спасательной шлюпкой. Но тогда он спал тихо. Теперь же мистер Крест зычно храпел со свистом и всхлипами, время от времени оглушительно всхрюкивая.

Это было, черт подери, уже слишком. Бонд взглянул на часы. Половина второго. Если он не перестанет храпеть в течение 10 минут, придется заявиться к Фиделю в каюту и лечь там на пол, даже если бы это грозило к утру насморком.

Бонд наблюдал, как светящаяся минутная стрелка медленно крадется по циферблату. Все! Он поднялся и стал собирать вещи, когда с верхней палубы донесся тяжелый шлепок. Следом послышались какое-то шарканье, отвратительное бульканье и хрип. Наверное, мистер Крест вывалился из гамака и сейчас травит на палубе. Бонд раздраженно бросил шорты и рубашку, подошел к трапу и неохотно полез на верх. Когда его глаза были на уровне шлюпочной палубы, хрип прекратился. Он сменился другим звуком — зловещим! Частой барабанной дробью пяток о палубу. Бонд слишком хорошо знал, что это означает. Он прыжком залетел на верхнюю палубу и бегом бросился к телу, распластавшемуся навзничь под ярким лунным светом. Он остановился и медленно опустился на колени, объятый ужасом. Лицо мертвеца было чудовищным. Но самое страшное — то, что торчало из его зияющего рта, не было языком. Это был хвост рыбы. Черно-розовый хвост. Из рта Милтона Креста торчал раритет Гильдебранда!

Мистер Крест был мертв, и умер он жуткой смертью. Когда рыбу впикнули ему в рот, он проснулся и отчаянно пытался сначала выплюнуть, а затем вытащить ее. Но не смог — колючки спинного и анального плавников впились изнутри в щеки. Некоторые из них прошли насквозь и сейчас торчали наружу на испещренном каплями крови лице мертвеца. Джеймса Бонда передернуло. Смерть наступила примерно через минуту. Но что это была за минута для Милтона Креста!

Бонд поднялся на ноги. Он подошел к стеллажу со стеклянными банками для хранения проб и заглянул под защитный брезент. Пластмассовая крышка крайней банки лежала рядом с ней на палубе. Он поднял крышку, тщательно протер ее парусиной и, взяв кончиками ногтей, положил сверху на горло банки.

Затем Бонд вернулся назад и стал над трупом. Кто из них сделал это? То, что орудием убийства был выбран драгоценный трофей мистера Креста, говорило о нечеловеческой озлобленности против него. Это указывало на женщину. У нее-то причин для убийства было в избытке. Но и Фидель Барбе, с его креольской кровью,

был способен на особо жестокое насилие, а кроме того ему был присущ черный юмор. „Je lui au foutu son sacré poisson dans la gueule*.” Бонд слышал от Барбе нечто подобное. Если после того, как он покинул салон, мистер Крест продолжал дразнить сейшельца, особенно, если издевался над его семьей, Фидель Барбе, конечно, не полез бы в драку и не схватился за нож, но он запомнил бы все и, выждав момент, наверняка расквитался бы с обидчиком.

Бонд огляделся вокруг. Храп жертвы мог послужить сигналом для любого из них. С обеих сторон шлюпочной палубы на мостик поднимались трапы. Но рулевой сейчас был в рубке и за шумом из машинного отделения не мог ничего слышать. Вытащить маленькую рыбку из формалиновой купели и сунуть ее в открытый рот спящего было секундным делом. Бонд пожал плечами. Кто бы это ни сделал, он не подумал о последствиях — неизбежном расследовании и, возможно, последующем суде, на котором, кстати, и он, Джеймс Бонд, будет фигурировать в качестве подозреваемого. Убийца был явно не в себе, иначе бы он позаботился уничтожить следы.

Бонд заглянул вниз. Там вдоль всего борта яхты тянулась узенькая, фута три шириной, полоска главной палубы. С внешней стороны ее огораживали лееры, высотой два фута. Если бы гамак, скажем оборвался, мог бы мистер Крест, упав покатиться под катером, перевалиться через край верхней палубы и, не задев борта, упасть в море? При сильном шторме мог, но при мертвом штиле, как сейчас, едва ли. Тем не менее, именно это решил инсценировать Джеймс Бонд.

Он энергично приступил к делу. Взяв столовый нож в салоне, Бонд надрезал одну из растяжек гамака, разорвал ее и тщательно разлохматил концы. Гамак вполне правдоподобно обвис одной стороной на палубу. Затем Бонд влажной тряпкой вытер с палубы кровь и дорожку формалиновых капель от хранилища проб. Далее предстояло самое трудное — избавиться от труп. Джеймс Бонд аккуратно подтащил его к самому краю шлюпочной палубы, спустился на главную палубу и на всякий случай привязал себя к борту. Подняв руки он потянул на себя мистера Креста. Мертвец обрушился на него тяжким объятием. Бонд пошатнулся и, присев, перебростил его за борт. В последний раз промелькнуло перед ним омерзительная раздутая личина, обдало тошнотворным запахом перегара, и с тяжелым всплеском мистер Милтон Крест исчез в буране кильватерной струи. Бонд прижался спиной к переборке рядом с дверью салона, готовый в любой момент проскользнуть в свою постель и притвориться спящим, если вахтенный наведается на корму выяснить, что здесь происходит. Но с бака не доносилось ни звука, лишь приглушенно рокотали дизели.

* „Обещаю заткнуть ему пасть этой проклятой рыбой” (фр.).

Джеймс Бонд перевел дыхание. По-настоящему дотошным должен быть коронер, чтобы вынести иной приговор, нежели „смерть в результате несчастного случая“. Бонд вернулся на шлюпочную палубу, все проверил еще раз, выбросил за борт тряпку и нож и, спустившись к себе на корму, лег в постель. Было пятнадцать минут третьего. Через десять минут Бонд спал.

Увеличив скорость до двенадцати узлов, они подошли к мысу Норт-пойнт в шесть часов вечера следующего дня. Сзади над акваторией океана пылали багровые и золотые полосы заката. Двое мужчин и женщина, между ними, стояли на корме. Облокотившись на борт, они смотрели, как мимо проплывают зеленые склоны Маэ, отражающиеся в перламутровом зеркале моря. На Лиз Крест было легкое белое льняное платье с черным пояском и черно-белая косынка на шее.

Траурные цвета хорошо гармонировали с ее золотистой кожей. Все трое чувствовали себя неловко и принужденно, ибо каждый, скрывая тайну, делал вид, что ему ничего неизвестно.

Утром они, словно для конспирации, долго спали. Джеймса Бонда разбудило солнце лишь в десять часов. Он принял душ на баке, поболтал немного с рулевым на мостике, а затем спустился в каюту Фиделя Барбе. Тот еще спал. Открыв глаза, Фидель пожаловался на похмелье и обеспокоенно спросил, чем кончился вчерашний обед. Не нагрубил ли он мистеру Кресту? Он абсолютно ничего не помнит, кроме того, что, кажется, рассердил чем-то мистера Креста.

— Помните, Джеймс, что я вам сказал о нем в самом начале. Выскочка из хамской породы. Теперь-то вы со мной согласны? В один прекрасный день кто-нибудь заткнет ему навсегда грязную пасть.

Неубедительная улика. Бонд приготовил себе завтрак и ел на камбузе, когда сюда вошла Лиз Крест. Она была одета в бледно-голубое чесучевое кимоно до колен. Под глазами у нее темнели круги. Свой завтрак она съела стоя. Однако выглядела она совершенно спокойной и вела себя непринужденно. Тонем заговорщицы она прошептала:

— Я должна извиниться за вчерашний вечер. Я тоже слегка перебрала. И очень прошу вас простить Милта. Он такого вам наговорил. Это бывает с ним только, когда он выпьет лишнего и с ним не соглашаются. Но на следующее утро он всегда раскаивается. Вот увидите.

До одиннадцати часов никто из них не выказал ничего подозрительного, и Бонд решил нарушить идиллию. Он тяжело посмотрел на Лиз Крест, которая, лежа на животе на палубе, читала журнал, и спросил:

— Между прочим, где ваш муж? Все еще спит?

Она нахмурилась.

— Наверное. Ночью он ушел спать в свой гамак на верхней палубе. Я даже не помню когда. Я приняла таблетку снотворного и отключилась.

Фидель Барбе, забрасывая наживку на тунца, сказал, не оборачиваясь:

— Наверное, он на мостике.

Бонд заметил:

— Но если он до сих пор спит наверху, то сгорит ко всем чертям.

Миссис Крест воскликнула:

— Ой, бедный Милт. Я и не подумала об этом. Пойду гляну. — Она пошла вверх по трапу. Когда ее голова поднялась над шлюпочной палубой, она остановилась и взволнованно бросилась вниз:

— Джеймс, его здесь нет, а гамак оборвался.

Бонд равнодушно произнес:

— Вероятно, Фидель прав. Пойду посмотрю бак.

Он поднялся на мостик. Здесь были Фриц, помощник и моторист.

Бонд спросил:

— Кто-нибудь видел мистера Креста?

Фриц озадаченно ответил:

— Нет, сэр, а в чем дело? Что стряслось?

Бонд изобразил на своем лице беспокойство.

— И на корме его нет. А ну-ка, живо! Обойдите все кругом. Он спал на верхней палубе. Там тоже его нет, а гамак порван. Вчера вечером он был сильно утомлен. Быстрее! Одна нога здесь, другая там.

Когда случившееся уже не вызывало сомнений, миссис Крест разозлилась короткой, но вполне правдоподобной истерикой. Бонд увел ее в каюту.

— Успокойтесь, Лиз, — сказал он. — Побудьте здесь и никуда не выходите. Я все сделаю. Мы дадим радиogramму в Порт-Викторию. Фрицу я сказал форсировать двигатели, но боюсь, что возвращаться искать — безнадежное дело. С восхода прошло уже шесть часов, и за это время он не мог выпасть за борт незамеченным. Скорее всего, это произошло ночью. Мне жаль, но продержаться шесть часов в здешних водах невозможно.

Она с ужасом смотрела на него широко открытыми глазами.

— Вы имеете в виду... Вы думаете, что акулы?..

Бонд кивнул.

— О, бедный Милт! Мой дорогой Милт! Но почему все так получилось...

Джеймс Бонд вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Яхта обогнула мыс Кэннон-пойнт и сбросила скорость. Держась на расстоянии от отмелей рифа, она скользила к месту якорной стоянки по широкой бухте, лимонно-бронзовой в последних лучах

заката. Городок у подножья гор уже скрылся в густой фиолетовой тени и мерцал россыпью желтых огоньков. Бонд наблюдал, как от набережной отвалил таможенный катер и направился им навстречу. Провинциальное общество, должно быть, уже гудело он новости, которая, разумеется, моментально просочилась с радиостанции в Сейшельский Клуб, а оттуда, через шоферов и прислугу, в город.

Лиз Крест повернулась к нему.

— Я начинаю беспокоиться. Вы мне поможете справиться с этими ужасными формальностями и всем остальным?

— Конечно.

Фидель Барбе сказал:

— Да не волнуйтесь вы так. Все эти люди мои друзья. Главный судья — мой дядя. Мы должны будем дать показания. Наверное, завтра начнется предварительное следствие. А послезавтра вы сможете уехать.

— Вы правда так считаете? — На переносице у нее выступила испарина. — Беда в том, что я не знаю, куда мне податься и что делать дальше. Я бы хотела... — Она запнулась и, подняв глаза на Бонда, сказала: — Я бы очень просила Вас, Джеймс, проводить меня до Момбаси. Кстати, на яхте вы будете там на сутки раньше, чем на этом вашем пароходе „Кам...“, как его?

— „Кампала“, — Бонд закурил сигарету, чтобы скрыть растерянность. Провести с ней четверо суток на роскошной яхте!.. Но рыбий хвост, торчащий изо рта мертвеца. Хотя, конечно, это не она, а Фидель, который заранее рассчитал, что его многочисленные дядюшки и кузены на Маэ в любом случае замнут дело. Ах, если бы один из них проговорился. Бонд с готовностью ответил:

— Спасибо за предложение, Лиз. Конечно же, я с удовольствием провожу вас.

Фидель Барбе хихикнул.

— Bravo, мой друг. И я припадаю к вашим стопам, но по другому поводу. Надо решить, что будем делать с этой чертовой рыбой. Не забываем, что теперь вы оба — хранители научного „Кохинура“*. Смитсоновцы забросают Вас телеграммами. Вы же знаете американцев. Они будут трясти из вас душу, пока не вытрясут раритет.

Бонд, прищурившись, смотрел на вдову мистера Креста. Слова Барбе, разумеется, уличали ее. Теперь надо подыскать предлог и отказаться от совместного путешествия. Что-то не нравился ему способ Элизабет Крест сводить счеты...

Но чистые голубые глаза ответили ему открытым доверчивым взглядом. Миссис Крест повернулась к Фиделю Барбе и сказала очаровательным голосом:

— О, это не составит проблем. Я решила подарить раритет Гильдебранда Британскому Музею.

Джеймс Бонд заметил, что теперь капельки пота выступили у нее на висках. Но, в конце концов, вечер был ужасно душным...

Гул моторов затих, и в тиши бухты загрохотала якорная цепь.

* „Кохинур“ — „Гора света“ — бриллиант (108 каратов) с самой древней историей. Известен с 1304 г. С 1849 — в короне королевы-матери (Великобритания).

Ян Флеминг
РАРИТЕТ ГИЛЬДЕНБРАНДА

Редактор Е. М. Иванова
Технический редактор В. В. Лебедева
Корректор Ю. В. Игнатенко

Сдано в набор 22.02.90

Подписано в печать 19.03.90.

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура цюрих. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 2,33. Уч.-изд. л. 2,14.

Тираж 250 000 экз.

Заказ 58. Цена 50 к.

**СП „Вся Москва“, 101854, Москва,
Чистопрудный бульвар, 8.**

**ПП „Чертановская типография“ МГПО, Москва, 113545,
Варшавское шоссе, д. 129а.**

